

УДК 94(4); ББК 63.3(4); DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2023.211>

Д. И. Польшанский

**«НОВЫЙ СВЕТ»
ИЛИ «ОТМЕНА» СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН?
ЗАМЕТКИ О КНИГЕ ЭДУАРДА МЮЛЕ**

Книга известного немецкого историка и организатора науки, в настоящее время — президента Европейского университета «Viadrina» во Франкфурте-на-Одере, профессора Эдуарда Мюле «Славяне в средние века между идеей и реальностью» (Leiden; Boston, 2023) опубликована на английском языке как 89-й том серии «Центрально-Восточная и Восточная Европа в средние века» авторитетным академическим издательством Brill¹. В труде подведены итоги масштабного исследовательского проекта, результаты которого издавались в 2015–2020 гг., и обобщены вначале в двух небольших брошюрах², а затем

¹ Mühle E. Slavs in the Middle Ages between idea and reality. Leiden; Boston: Brill, 2023.

² Mühle E. 1) Die Slaven im Mittelalter. Berlin: De Gruyter, 2016; 2) Die Slawen. Münster: C. H. Beck, 2017.

© Д. И. Польшанский, 2023

в практически одновременно вышедших на немецком и польском языках книгах³. Уже после издания в Brill появилась монография и на чешском языке⁴.

Столь массовое представление итогов индивидуального научного проекта — редкость в медиевистике. Предлагаемые заметки сделаны к английскому переводу, который, как отмечает автор монографии, был выполнен с польского оригинала (Р. [X]), хотя в качестве *editio princeps* в выходных данных указана немецкая версия (Р. [IV]). Заметки касаются структуры, терминологии, концептуальных и методологических основ работы, а также сведений об отдельных «реалиях» славян, находящихся в сфере научных интересов рецензента.

Монография, которая, по словам Э. Мюле, написана в том числе и в учебных целях (Р. IX), призвана представить историю славян в Средние века в новом свете и показать, с одной стороны, что «славяне» с первого появления в византийских источниках VI в. трактовались как культурный конструкт, и «политически инструментализировались» в различных контекстах. С другой стороны, задача книги — описание «реальных исторических структур», скрывающихся за феноменом «славяне» в Средние века (Р. 30). Издание снабжено картами, указателями и списком литературы на 178 с.

Размещая предмет своего исследования между концептом славян в византийских, западноевропейских и восточных источниках и реалиями истории «славяноязычных» (термин повторяется в книге более шестисот раз) политий и народностей средневековой Европы, Э. Мюле подчеркивает, что в основу «создания» славян в Средние века была заложена «политическая инструментализация» концепта «славяне», апогеем которой стало Новое и новейшее время. Книга начинается (Р. 1–2) и завершается (Р. 402) апелляциями к созданному в 1520-е гг. латинскому сочинению ученого монаха-доминиканца из Далмации Винко Прибоевича «Происхождение и успехи славян», в котором автор видит ранний манифест «панславизма».

«Пролог» (Р. 1–28) включает краткие обзоры славянской тематики в трудах немецких, чешских и русских историков и филологов XVIII–XIX вв.; панславянских и неославянских идей конца XIX и начала XX в.; «славянского» дискурса в Германии XX в. и славянской идеи в Восточной Европе в период от правления Сталина до Европейского союза. Вывод этого обзора заключается в том, что ни одна из приводимых концепций никогда серьезно не постулировала единство и общность всех людей, говорящих на славянских языках. Он вынесен в краткий очерк методологии исследования (Р. 29–32) и предшествует исследовательским вопросам: не должны ли мы понимать и средневековых «славян» как сконструированный и абстрактный концепт, и можно ли среди всех этих конструкций, идей и концептов пред-модерна и модерна о славяно-говорящем мире отыскать историческую реальность, и если да, какие этнические, социальные, политические, и/или культурные феномены могут быть рационально описаны как «славяне» или «славянские» (Р. 30). В Заключение (Р. 395–402) вопросы сводятся к двум, подразумевающим противоположные, но однозначные ответы: были ли «славяне» воображаемым сообществом и в VI–XV вв., и являлись ли славяноязычные общества до эпохи Нового времени все еще «онтологическими общностями»; сообществами, основанными на родстве и привя-

³ *Mühle E.* 1) Die Slawen im Mittelalter zwischen Idee und Wirklichkeit. Köln: Böhlau, 2020; 2) Słowianie. Rzeczywistość i fikcja wspólnoty. VI–XV wiek. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2020.

⁴ *Mühle E.* Slované ve středověku mezi ideou a skutečností, Praha: Argo, 2023.

занности, с общими историческими/биологическими корнями — в противоположность тому, что они представляли собой в период Нового времени.

Письменные сведения византийских, латинских и восточных источников анализируются в рамках поставленных задач в третьей главе книги «Открытие славян в Средние века» (Р. 33–64) и в восьмой «Славяне в представлениях не-славян в Средние века» (Р. 309–339). Э. Мюле обращается к информации византийских источников о склавенах (он считает этот термин соответствующим самоназванию небольших отрядов воинов, нападавших на византийские владения, «словене», но отказывает ему в обозначении «этнической или политической общности» — Р. 56), латинских, упоминающих славян в Центрально-Восточной Европе, и арабских — о «сакалиба». По мнению Э. Мюле, в XI–XV вв. «обобщенное» название «славяне» для внешних наблюдателей становится «негативным стереотипом», выполняющим строго определенные функции в определенном контексте (Р. 309). Однако, если верно наблюдение автора, что с XIV в. и далее восточно- и центрально-европейские тексты, возникавшие в славяноязычной среде, остро полемизировали с ложным отождествлением «славян» с невольниками или с их отнесением к потомкам Хама (Р. 339), то это, на взгляд рецензента, могло отражать как минимум симпатии их чешских и польских авторов и их аудитории к славянам в целом.

Глава 9 «Идеи славянского единства (unity) в позднее Средневековье» (Р. 340–394), тематически охватывает Чехию, Польшу, Померанию и Мекленбург, Балканы, а также «Русь и Московию». Автор показывает, что идеи польско-чешского сближения в XIII в., как и общности чехов, и «далматинских сербов» при дворе Карла XIV, развивались на фоне «германской угрозы», в то время, как славянские акценты политики восточногерманских княжеств культивировались в целях их консолидации и возвеличивания правящих династий (что, на наш взгляд, также обуславливало позитивные коннотации таких акцентов). Не обнаружив манифестаций «славянской идеи» в Болгарии, Сербии и Боснии, автор обратился к Хорватии (видимо, имея в виду венецианские Далмацию и Истрию), как уникальному примеру сохранения кирилло-мефодиевского глаголизма, который мог стать предпосылкой будущего формирования славянской идеи, отраженной в трактате Прибоевича (Р. 392). В русских княжествах перешедший в местное летописание «славянский экскурс» Повести временных лет, как пишет Э. Мюле, «оставался “замороженным”, механически усвоенным знанием, не имевшим значения для процесса формирования [местных] идентичностей» (Р. 393).

Обращения к «реалиям славян» в книге начинаются обзором раннеславянского археологического материала (Р. 65–113) в четвертой главе и продолжают в главе пятой очерками ранних властных структур (*regna*) у болгар («в прото-Болгарском ханстве» — *The Chanate of proto-Bulgars*), южнославянских княжествах «Западных Балкан» (термин из лексикона современного Европейского Союза), в Каринтии и древней Моравии (Р. 114–141). К моравскому разделу присовокуплен параграф о происхождении литературного языка славян (Р. 141–146). Шестая глава — «Славяне в формировании средневековых государств и создании народностей» — кратко излагает «славянские» аспекты истории средневековых Болгарии, Чехии, Хорватии, Киевской Руси, Польши и Сербии (Р. 147–263). В седьмой главе представлены незавершенные процессы образования народностей и государств полабских и поморских славян, а также южнославянских племен, упоминаемых в трактате Константина Багрянородного «Об управлении

империей». В отдельные разделы вынесены Дуклянское княжество, историю которого сообщает так называемая Летопись попа Дуклянина, и Босния (Р. 264–308).

При описании «реалий» автор, на наш взгляд, нередко выходит за пределы тех фактов, которые могут подтвердить исторические и археологические источники. В разделе о раннесредневековой Болгарии, заглавие которого, к слову, состоит из терминов, не существовавших во время ее создания (The Khanate of Proto-Bulgars) участие в этногенезе болгар «романизированных и эллинизированных фракийцев» (Р. 114) утверждается ссылками на избранную литературу, как и описание «ханства», которое, по словам Э. Мюле, «простиралось от дельты Дуная к югу и заняло территорию современной южной Румынии и северной Болгарии, подчинив местное фракийское население, мигрировавшее в этот регион до прибытия людей Аспаруха» (Р. 115). Не указано, из каких источников автор черпает сведения об «аварских воинах» в войске Крума во время войны с Византией 811 г. (Р. 116) или о том, что с принятием христианства «предшествовавшее разделение на различные роды, а именно славянские, фракийские и протоболгарские, было преодолено, что (наряду с другими обстоятельствами) сняло препятствия к смешанным бракам» (Р. 149).

В дальнейшем автор пишет, что под «куманами» в так называемой Болгарской апокрифической летописи также подразумеваются «фракоязычные» (vernacular Thracians), и «волохи» (Р. 167). Кульминацию правления Симеона (893–927) Э. Мюле видит в некоем «соборе (synod) в Преславе, объявлении автокефалии Болгарской церкви и возведении болгарского архиепископа в сан патриарха в 918–919 гг.» (Р. 152). Далее он ссылается на некую «надпись на могиле Симеона в Преславе» (вероятно, на погребальную надпись вельможи царя Мостича), а также утверждает, что «славянскому языку был предоставлен статус официального государственного языка только в конце XII в.» (Р. 153). Иоанн Экзарх, как и другие книжники эпохи Симеона, по его мнению, был греком, получившим образование в Константинополе (Р. 154). В подтверждение титула «самодержец» царя Самуила приводятся надписи из с. Воден и с. Самуилово, являющиеся доказанными фальсификатами (Р. 162) и пр.

Отдельное место уделено происхождению книжного языка славян, названного автором «наиболее важным наследием павшей [Моравской] державы» (Р. 141). Э. Мюле полагает, что именование языка и букв «славянскими» в современных свв. Кириллу и Мефодию латинских документах было отражением общего представления о славянах, потому что «группы славяно-говорящего населения Восточно-Центральной Европы лишь начинали становиться опознаваемыми и получать имена» (Р. 143). По мнению автора, св. Мефодий, которого он считает автором жития св. Кирилла, «не использовал это слово («славяне»), как сознательное выражение “славянского самосознания и идентичности”», сам кирилло-мефодиевский язык был «искусственным», а его «гомогенность» не учитывала сложной языковой реальности (Р. 144–145).

Действительно, кирилло-мефодиевские тексты не выражали и не могли выражать идею единения всего современного им славянского населения Европы; в их основе лежало стремление создать с помощью письменного языка новый Божий народ, ведущий происхождение от чуда Пятидесятницы, когда на апостолов сошли языки небесного пламени, давшие им возможность проповедовать слово Христа разным народам. В конце жития св. Мефодия рассказывается, что литию над его гробом ученики «латиньски

и гръцъски и словѣнски сътребиша», тем утверждая достоинство славянского языка, ставшего вровень с каноническими языками христианского богослужения.

В то же время «кирилло-мефодиевское» славянство видело связь со своими предшественниками. Для Черноризца Храбра (Э. Мюле цитирует устаревшее мнение, что это — псевдоним, за которым скрывался сам царь Симеон — Р. 156), язычники-славяне, писавшие «чертами и резами» и говорившие «словенской речью», были реальностью, на место которой шел «новый Божий народ» славян. Еще один последователь свв. Кирилла и Мефодия — епископ Константин, упоминал «словенский род, который считался всеми погранным» до того, как славяне получили возможность услышать на своем языке христианскую проповедь.

Заявленная Э. Мюле еще в первой брошюре концепция изобретенных в Новое время «славян» как идеологического конструкта и орудия политики разворачивается на страницах книги в деконструкцию славян как «реалии» Средневековья на фоне отсылок к работам ученых венско-берлинской школы исторической антропологии, а заглавие эпилога — «Создание славян в Средние века» — подчеркивает связь книги с трудами Ф. Курты о «создании славян». При этом подход Э. Мюле по сравнению с предшественниками представляется нам существенно упрощенным. Противопоставление «вымыслов» «реалиям» прошлого, (хотя и сведения письменных источников, и интерпретации археологических материалов вторичны по определению), означает отношение к «реалиям» «wie es eigentlich gewesen». Обращение к «онтологической общности» как к прообразу ранних славянских сообществ ставит вопрос о ее документированных исторических примерах. Взятие в кавычки термина «славяне» и его замена на «славяноязычные» уравнивает эти понятия в историографическом узусе, делая их применимыми, например, к посещавшей славянское богослужение в Центральной Европе и использовавшей славянское койне «руси» X в. Формирование представления «о славянском мире, охватывающем все народы, говорящие по-славянски», требовало бы от средневековых славянских книжников суммы знаний, сопоставимой с приводимыми в книге сведениями письменных источников. Наконец, структура книги, отвечающая известной фразе Б. Пастернака об историке как «пророке, предсказывающем назад» в сочетании с обилием «наводящих» вопросов и «предустановленной» терминологией создает впечатление предвзятости.

Академическая дискуссия о славянах как феномене европейской истории и историографии, продолжающаяся в научной литературе не одно десятилетие, по-прежнему актуальна. Однако, ее продолжение в виде «игры с нулевой суммой» и неизбежными позициями сторон едва ли может рассчитывать на значимые эвристические результаты. Отдавая должное усилиям, вложенным в труд немецкого коллеги, мы полагаем, что предопределяемые структурой труда и поставленными вопросами ответы скорее ведут не к новому прочтению средневековой славянской истории, а к «отмене» славян и как объекта исследований, и как части истории Европы в Средние века.

Информация о статье.

Автор: Польшанский, Дмитрий Игоревич — доктор исторических наук, профессор, руководитель научно-образовательного центра интеграции науки и образования, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия; Orc ID 0000-0003-3680-5508, Researcher ID HDO-6576-2022, Scopus ID 57063444800, SPIN-код: 1018-8802; Author ID 251445; e-mail: dipol53@mail.ru

Заголовок: «Новый свет» или «отмена» средневековой истории славян? Заметки о книге Эдуарда Мюле.

Резюме: Обзор и замечания к монографии профессора Эдуарда Мюле, видного немецкого медиевиста и президента Университета «Виадрина» (Франкфурт-на-Одере), опубликованной в 2020–2023 гг. на немецком,

польском, английском и чешском языках, написаны на основе ее издания в серии издательства «Брилл» «Центрально-Восточная и Восточная Европа в средние века». По словам автора книги, ее цель — «показать, с одной стороны, как “славяне”, с тех пор, как они появились в византийских источниках VI в., понимались как культурный концепт, и в качестве такового использовались в политических целях», а с другой, — раскрыть реалии, «скрытые за феноменом “славян” в Средние века». Такой подход задается через проецирование на средневековую историю славянских народов и государств идеологических практик Нового и новейшего времени, когда концепт славянства широко использовался в политических целях отдельными деятелями, общественными движениями и государствами. В доказательство автор раскрывает контексты упоминания терминов «славяне» и «славянский» византийскими, латинскими и восточными текстами IX–XV вв. на фоне средневековых славянских «реалий», что позволяет ему оспорить правомерность самого термина «славяне» в применении к Средневековью и последовательно именовать их «славяноязычными». По мнению рецензента, такой «двумерный» подход вряд ли способен пролить «новый свет» на средневековую историю славян, но может вести к «отмене» славян как части истории Европы.

Ключевые слова: Эдуард Мюле, славяне, Средние века, идея, реальность, «культура отмены»? историография.

Литература:

Mühle, Eduard. Die Slawen. Münster: C. H. Beck, 2017. 128 s.

Mühle, Eduard. Die Slaven im Mittelalter. Berlin: De Gruyter, 2016. 51 s.

Mühle, Eduard. Die Slawen im Mittelalter zwischen Idee und Wirklichkeit. Köln: Böhlau, 2020. 504 s.

Mühle, Eduard. Slavs in the Middle Ages between idea and reality. Leiden; Boston: Brill, 2023. 628 p.

Mühle, Eduard. Slované ve středověku mezi ideou a skutečností, Praha: Argo, 2023. 568 s.

Mühle, Eduard. Słowianie. Rzeczywistość i fikcja wspólnoty. VI–XV wiek. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2020. 474 s.

Information about the article:

Author: Polyvyanyy, Dmitry Igorevich — Dr. Sc. in History, Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia; Orc ID 0000-0003-3680-5508, Researcher ID HDO-6576-2022, Scopus ID 57063444800, SPIN-code 1018-8802, Author ID 251445; e-mail: dipol53@mail.ru

Title: Towards «new light» or «canceling» medieval Slavs? Notes to Eduard Mühle' book.

Summary: The review of the monograph by renowned German scholar Professor Eduard Mühle, currently — President of Viadrina University at Frankfurt (Oder), published in 2020–2023 in German, Polish, English and Czech, is based upon its edition as No 89 of Brill's collection «Central-Eastern and Eastern Europe in the Middle Ages». As the author states, «The books is aimed, to show, on the one hand, how the ‘Slavs’ — ever since they first appeared in 6th-century Byzantine sources — were treated as a cultural construct and as such politically instrumentalized in various contexts». Up to Prof. Mühle, the book «describes the real historical structures hidden behind the phenomenon of the ‘Slavs’ in the Middle Ages». Beginning with a sketch of modern and contemporary ideological practices, where the concept of Slavdom was widely used for political ends, he follows with mentions of the «Slavs» in medieval Byzantine, Latin and Oriental texts against the background of the medieval Slavic «realities», challenging the relevancy of the very term «Slavs» and naming them «Slav-speaking» through the whole book. The reviewer critically analyzes the author's approach and his monograph's structure, which from his viewpoint in fact are turning «the new light» in which the medieval Slav history is represented, into «canceling» the Slavs as part of the European history.

Key words: Eduard Mühle, Slavs, Middle Ages, idea, reality, «canceling»

References:

Mühle, Eduard. *Die Slaven im Mittelalter* [*The Slavs in the Middle Ages*]. Berlin: De Gruyter Publ., 2016. 52 p. (in German).

Mühle, Eduard. *Die Slawen* [*The Slavs*]. Münster: C. H. Beck Publ., 2017. 128 p. (in German).

Mühle, Eduard. *Die Slawen im Mittelalter zwischen Idee und Wirklichkeit* [*The Slavs in the Middle Ages between idea and reality*]. Köln: Böhlau Publ., 2020. 504 p. (in German).

Mühle, Eduard. *Slavs in the Middle Ages between idea and reality*. Leiden; Boston: Brill Publ., 2023. XVIII, 610 p.

Mühle, Eduard. *Slované ve středověku mezi ideou a skutečností* [*Slavs in the Middle Ages between idea and reality*]. Praha: Argo, Publ., 2023. 568 p. (in Czech).

Mühle, Eduard. *Słowianie. Rzeczywistość i fikcja wspólnoty. VI–XV wiek* [*Slavic. Reality and fiction of the community. 6th–15th centuries*]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN Publ., 2020. 474 p. (in Polish).